

Пальма А.Г. Генкеля

В 2016г. исполнилось 100 лет со дня основания Пермского классического университета. В это же время исполнилось 120 лет знаменитой Генкелевской пальме Ботанического сада имени профессора А.Г. Генкеля ПГНИУ.

А началось все в далеком XIX веке, в 1896г., когда доктор ботаники А.Г. Генкель, будучи тогда в Санкт-Петербурге, посадил семечко финиковой пальмы, привезенное из дальних странствий. Шли годы, после переезда А.Г. Генкеля в Пермь и открытия Пермского университета, а затем и открытия в 1922г. Ботанического сада, саженец финиковой пальмы поселился в оранжерейном помещении на мансарде главного (в настоящее время 2-го корпуса), дав начало всей оранжерейной коллекции.

В январе 1927г. Пермский университет сильно пострадал от пожара. Сгорела мансарда здания, где располагалась оранжерея. Директор Ботанического сада профессор А.Г. Генкель в течение двух суток лично принимал участие в тушении пожара, спасая имущество и растения. Простуда, полученная при этом (пожар тушился в 30°-ный мороз), спровоцировала обострение старого заболевания – туберкулеза легких, и 9 апреля в возрасте 54 лет А.Г. Генкель скончался.

В день похорон в ботаническом кабинете университета в тишине стоял гроб с его телом, укрытый листьями той самой пальмы и усыпанный цветами, а на стене висел план Ботанического сада с надписью: «лучший памятник профессору Генкелю – Ботанический сад». С этого времени Ботанический сад Пермского университета носит имя своего основателя.

В трудные годы Великой Отечественной войны сотрудники Ботанического сада собирали топляк на реке Кама, чтобы в зимнее время сохранить оранжерейную коллекцию и тем самым память об основателе Университета и Ботанического сада А.Г. Генкеле и его наследие.

А пальма все росла и набирала силу. И, наконец, почти в 100-летнем возрасте вступила в «совершеннолетие» и зацвела. Все было бы хорошо, только в оранжерее, ставшей мемориальной, ей стало тесно. Ежегодно осенью сотрудники ботанического сада вынуждены наполовину укорачивать ей листья, опасаясь, что зимой она разрушит стеклянный потолок, вырвется наружу, погибнет сама и заморозит остальную коллекцию. Но и эти меры уже не помогают. Молодые листья не могут разворачиваться и как домкратом поднимают крышу оранжереи. Это удивительно напоминает события, описанные в 1879г. В.М. Гаршиным в трагическом философском рассказе о судьбе пальмы «*Attalea princeps*».

Университетская Генкелевская пальма – история Университета и никто не вправе прервать её, поскольку без истории нет будущего. Это единственный живой свидетель рождения Пермского университета!

PS:

Всеволод Михайлович Гаршин

Attalea princeps

В одном большом городе был ботанический сад, а в этом саду - огромная оранжерея из железа и стекла. Она была очень красива: стройные

витые колонны поддерживали всё здание; на них опирались легкие узорчатые арки, переплетенные между собою целой паутиной железных рам, в которые были вставлены стекла. Особенно хороша была оранжерея, когда солнце заходило и освещало ее красным светом. Тогда она вся горела, красные отблески играли и переливались, точно в огромном, мелко отшлифованном драгоценном камне.

Сквозь толстые прозрачные стекла виднелись заключенные растения. Несмотря на величину оранжереи, им было в ней тесно. Корни переплелись между собою и отнимали друг у друга влагу и пищу. Ветви дерев мешались с огромными листьями пальм, гнули и ломали их и сами, налегая на железные рамы, гнулись и ломались. Садовники постоянно обрезают ветви, подвязывают проволоками листья, чтобы они не могли расти, куда хотят, но это плохо помогало. Для растений нужен был широкий простор, родной край и свобода. Они были уроженцы жарких стран, нежные, роскошные создания; они помнили свою родину и тосковали о ней. Как ни прозрачна стеклянная крыша, но она не ясное небо. Иногда, зимой, стекла обмерзали; тогда в оранжерее становилось совсем темно. Гудел ветер, бил в рамы и заставлял их дрожать. Крыша покрывалась наметенным снегом. Растения стояли и слушали вой ветра и вспоминали иной ветер, теплый, влажный, дававший им жизнь и здоровье. И им хотелось вновь почувствовать его веянье, хотелось, чтобы он покачал их ветвями, поиграл их листьями. Но в оранжерее воздух был неподвижен; разве только иногда зимняя буря выбивала стекло, и резкая, холодная струя, полная инея, влетала под свод. Куда попадала эта струя, там листья бледнели, съеживались и увядали.

Но стекла вставляли очень скоро. Ботаническим садом управлял отличный ученый директор и не допускал никакого беспорядка, несмотря на то что большую часть своего времени проводил в занятиях с микроскопом в особой стеклянной будочке, устроенной в главной оранжерее.

Была между растениями одна пальма, выше всех и красивее всех. Директор, сидевший в будочке, называл ее по-латыни Attalea! Но это имя не было ее родным именем: его придумали ботаники. Родного имени ботаники не знали, и оно не было написано сажей на белой дощечке, прибитой к стволу пальмы. Раз пришел в ботанический сад приезжий из той жаркой страны, где выросла пальма; когда он увидел ее, то улыбнулся, потому что она напомнила ему родину.

- А! - сказал он. - Я знаю это дерево. - И он назвал его родным именем.

- Извините, - крикнул ему из своей будочки директор, в это время внимательно разрезывавший бритвою какой-то стебелек, - вы ошибаетесь. Такого дерева, какое вы изволили сказать, не существует. Это - Attalea grisea, родом из Бразилии.

- О да, - сказал бразильянец, - я вполне верю вам, что ботаники называют ее - Attalea, но у нее есть и родное, настоящее имя.

- Настоящее имя есть то, которое дается наукой, - сухо сказал ботаник и запер дверь будочки, чтобы ему не мешали люди, не понимавшие даже того, что уж если что-нибудь сказал человек науки, так нужно молчать и слушаться.

А бразильянец долго стоял и смотрел на дерево, и ему становилось всё грустнее и грустнее. Вспомнил он свою родину, ее солнце и небо, ее роскошные леса с чудными зверями и птицами, ее пустыни, ее чудные южные ночи. И вспомнил еще, что нигде не бывал он счастлив, кроме родного края, а он объехал весь свет. Он коснулся рукою пальмы, как будто бы прощаясь с нею, и ушел из сада, а на другой день уже ехал на пароходе домой.

А пальма осталась. Ей теперь стало еще тяжелее, хотя и до этого случая было очень тяжело. Она была совсем одна. На пять сажен возвышалась она над верхушками всех других растений, и эти другие растения не любили ее, завидовали ей и считали гордою. Этот рост доставлял ей только одно горе; кроме того, что все были вместе, а она была одна, она лучше всех помнила свое родное небо и больше всех тосковала о нем, потому что ближе всех была к тому, что заменяло им его: к гадкой стеклянной крыше. Сквозь нее ей виделось иногда что-то голубое: то было небо, хоть и чужое, и бледное, но все-таки настоящее голубое небо. И когда растения болтали между собою, *Attalea* всегда молчала, тосковала и думала только о том, как хорошо было бы постоять даже и под этим бледненьким небом.

- Скажите, пожалуйста, скоро ли нас будут поливать? - спросила саговая пальма, очень любившая сырость. - Я, право, кажется, засохну сегодня.

- Меня удивляют ваши слова, соседка, - сказал пузатый кактус. - Неужели вам мало того огромного количества воды, которое на вас выливают каждый день? Посмотрите на меня: мне дают очень мало влаги, а я все-таки свеж и сочен.

- Мы не привыкли быть чересчур бережливыми, - отвечала саговая пальма. - Мы не можем расти на такой сухой и дрянной почве, как какие-нибудь кактусы. Мы не привыкли жить как-нибудь. И кроме всего этого, скажу вам еще, что вас не просят делать замечания.

Сказав это, саговая пальма обиделась и замолчала.

- Что касается меня, - вмешалась корица, - то я почти довольна своим положением. Правда, здесь скучновато, но уж я, по крайней мере, уверена, что меня никто не обдерет.

- Но ведь не всех же нас обдирали, - сказал древовидный папоротник. - Конечно, многим может показаться раем и эта тюрьма после жалкого существования, которое они вели на воле.

Тут корица, забыв, что ее обдирали, оскорбилась и начала спорить. Некоторые растения вступились за нее, некоторые за папоротник, и началась горячая перебранка. Если бы они могли двигаться, то непременно бы подрались.

- Зачем вы ссоритесь? - сказала Attalea. - Разве вы поможете себе этим? Вы только увеличиваете свое несчастье злобою и раздражением. Лучшие оставьте ваши споры и подумайте о деле. Послушайте меня: растите выше и шире, раскидывайте ветви, напирайте на рамы и стекла, наша оранжерея рассыплется в куски, и мы выйдем на свободу. Если одна какая-нибудь ветка упрется в стекло, то, конечно, ее отрежут, но что сделают с сотней сильных и смелых стволов? Нужно только работать дружнее, и победа за нами.

Сначала никто не возражал пальме: все молчали и не знали, что сказать. Наконец саговая пальма решилась.

- Всё это глупости, - заявила она.

- Глупости! Глупости! - заговорили деревья, и все разом начали доказывать Attalea, что она предлагает ужасный вздор. - Несбыточная мечта! - кричали они. - Вздор! Нелепость! Рамы прочны, и мы никогда не сломаем их, да если бы и сломали, так что ж такое? Придут люди с ножами и с топорами, отрубят ветви, заделают рамы и всё пойдет по-старому. Только и будет. что отрежут от нас целые куски...

- Ну, как хотите! - отвечала Attalea. - Теперь я знаю, что мне делать. Я оставлю вас в покое: живите, как хотите, ворчите друг на друга, спорьте из-за подачек воды и оставайтесь вечно под стеклянным колпаком. Я и одна найду себе дорогу. Я хочу видеть небо и солнце не сквозь эти решетки и стекла, - и я увижу!

И пальма гордо смотрела зеленой вершиной на лес товарищей, раскинутый под нею. Никто из них не смел ничего сказать ей, только саговая пальма тихо сказала соседке-цикаде:

- Ну, посмотрим, посмотрим, как тебе отрежут твою большую башку, чтобы ты не очень зазнавалась, гордячка!

Остальные хоть и молчали, но все-таки сердились на Attalea за ее гордые слова. Только одна маленькая травка не сердилась на пальму и не обиделась ее речами. Это была самая жалкая и презренная травка из всех растений оранжереи: рыхлая, бледненькая, ползучая, с вялыми толстенькими листьями. В ней не было ничего замечательного, и она употреблялась в оранжерее только для того, чтобы закрывать голую землю. Она обвивала собою подножие большой пальмы, слушала ее, и ей казалось, что Attalea права. Она не знала южной природы, но тоже любила воздух и свободу. Оранжерея и для нее была тюрьмой. "Если я, ничтожная, вялая травка, так страдаю без своего серенького неба, без бледного солнца и холодного дождя, то что должно испытывать в неволе это прекрасное и могучее дерево! - так думала она и нежно обвивалась около пальмы и ласкалась к ней. - Зачем я не большое дерево? Я послушалась бы совета. Мы росли бы вместе и вместе вышли бы на свободу. Тогда и остальные увидели бы, что Attalea права".

Но она была не большое дерево, а только маленькая и вялая травка. Она могла только еще нежнее обвиться около ствола Attalea и прошептать ей свою любовь и желание счастья в попытке.

- Конечно, у нас вовсе не так тепло, небо не так чисто, дожди не так роскошны, как в вашей стране, но все-таки и у нас есть и небо, и солнце, и ветер. У нас нет таких пышных растений, как вы и ваши товарищи, с такими огромными листьями и прекрасными цветами, но и у нас растут очень хорошие деревья: сосны, ели и березы. Я - маленькая травка и никогда не доберусь до свободы, но ведь вы так велики и сильны! Ваш ствол тверд, и вам уже недолго осталось расти до стеклянной крыши. Вы пробьете ее и выйдете на божий свет. Тогда вы расскажете мне, всё ли там так же прекрасно, как было. Я буду довольна и этим.

- Отчего же, маленькая травка, ты не хочешь выйти вместе со мною? Мой ствол тверд и крепок: опирайся на него, ползи по мне. Мне ничего не значит снести тебя.

- Нет уж, куда мне! Посмотрите, какая я вялая и слабая: я не могу приподнять даже одной своей веточки. Нет, я вам не товарищ. Растите, будьте счастливы. Только прошу вас, когда выйдете на свободу, вспоминайте иногда своего маленького друга!

Тогда пальма принялась расти. И прежде посетители оранжереи удивлялись ее огромному росту, а она становилась с каждым месяцем выше и выше. Директор ботанического сада приписывал такой быстрый рост хорошему уходу и гордился знанием, с каким он устроил оранжерею и вел свое дело.

- Да-с, взгляните-ка на *Attalea princeps*, - говорил он. - Такие рослые экземпляры редко встречаются и в Бразилии. Мы приложили всё наше знание, чтобы растения развивались в теплице совершенно так же свободно, как и на воле, и, мне кажется, достигли некоторого успеха.

При этом он с довольным видом похлопывал твердое дерево своей тростью, и удары звонко раздавались по оранжерее. Листья пальмы вздрагивали от этих ударов. О, если бы она могла стонать, какой вопль гнева услышал бы директор!

"Он воображает, что я расту для его удовольствия, - думала *Attalea*. - Пусть воображает!.."

И она росла, тратя все соки только на то, чтобы вытянуться, и лишая их свои корни и листья. Иногда ей казалось, что расстояние до свода не уменьшается. Тогда она напрягала все силы. Рамы становились всё ближе и ближе, и наконец молодой лист коснулся холодного стекла и железа.

- Смотрите, смотрите, - заговорили растения, - куда она забралась! Неужели решится?

- Как она страшно выросла, - сказал древовидный папоротник.

- Что ж, что выросла! Эка невидаль! Вот если б она сумела растолстеть так, как я! - сказала толстая цикада, со стволом, похожим на бочку. - И чего тянется? Всё равно ничего не сделает. Решетки прочны, и стекла толсты.

Прошел еще месяц. *Attalea* подымалась. Наконец она плотно уперлась в рамы. Растить дальше было некуда. Тогда ствол начал сгибаться.

Его листовенная вершина скомкалась, холодные прутья рамы впились в нежные молодые листья, перерезали и изуродовали их, но дерево было упрямо, не жалело листьев, несмотря ни на что давило на решетки, и решетки уже подавались, хотя были сделаны из крепкого железа.

Маленькая травка следила за борьбой и замирала от волнения.

- Скажите мне, неужели вам не больно? Если рамы уж так прочны, не лучше ли отступить? - спросила она пальму.

- Больно? Что значит больно, когда я хочу выйти на свободу? Не ты ли сама ободряла меня? - ответила пальма.

- Да, я ободряла, но я не знала, что это так трудно. Мне жаль вас. Вы так страдаете.

- Молчи, слабое растение! Не жалею меня! Я умру или освобожусь!

И в эту минуту раздался звонкий удар. Лопнула толстая железная полоса. Посыпались и зазвенели осколки стекол. Один из них ударил в шляпу директора, выходившего из оранжереи.

- Что это такое? - вскрикнул он, вздрогнув, увидя летящие по воздуху куски стекла. Он отбежал от оранжереи и посмотрел на крышу. Над стеклянным сводом гордо высилась выпрямившаяся зеленая крона пальмы.

"Только-то? - думала она. - И это всё, из-за чего я томилась и страдала так долго? И этого-то достигнуть было для меня высочайшей целью?"

Была глубокая осень, когда Attalea выпрямила свою вершину в пробитое отверстие. Моросил мелкий дождик пополам со снегом; ветер низко гнал серые клочковатые тучи. Ей казалось, что они охватывают ее. Деревья уже оголились и представлялись какими-то безобразными мертвецами. Только на соснах да на елях стояли темно-зеленые хвои. Угрюмо смотрели деревья на пальму: "Замерзнешь! - как будто говорили они ей. - Ты не знаешь, что такое мороз. Ты не умеешь терпеть. Зачем ты вышла из своей теплицы?"

И Attalea поняла, что для нее всё было кончено. Она застывала. Вернуться снова под крышу? Но она уже не могла вернуться. Она должна была стоять на холодном ветре, чувствовать его порывы и острое прикосновение снежинок, смотреть на грязное небо, на нищую природу, на грязный задний двор ботанического сада, на скучный огромный город, видневшийся в тумане, и ждать, пока люди там, внизу, в теплице, не решат, что делать с нею.

Директор приказал спилить дерево.

- Можно бы надстроить над нею особенный колпак, - сказал он, - но надолго ли это? Она опять вырастет и всё сломает. И притом это будет стоить чересчур дорого. Спилить ее!

Пальму привязали канатами, чтобы, падая, она не разбила стен оранжереи, и низко, у самого корня, перепилили ее. Маленькая травка, обвивавшая ствол дерева, не хотела расстаться со своим другом и тоже попала под пилу. Когда пальму вытащили из оранжереи, на отрезе

оставшегося пня валялись размозженные пилой, истерзанные стебельки и листья.

- Вырвать эту дрянь и выбросить, - сказал директор. - Она уже пожелтела, да и пила очень испортила ее. Посадить здесь что-нибудь новое.

Один из садовников ловким ударом заступа вырвал целую охапку травы. Он бросил ее в корзину, вынес и выбросил на задний двор, прямо на мертвую пальму, лежавшую в грязи и уже полусасыпанную снегом.

